

Старый друг уже не тот, что прежде (часть 15)

Ин И появился почти мгновенно.

Он возглавлял Отдел Теней — организацию, которая в семье Чао веками передавалась от поколения к поколению. По сути, эти люди были верными до смерти тенями, готовыми выполнить любой приказ своего господина.

Войдя в комнату, Ин И застыл. Его взгляд упал на темные пятна крови на полу и багровые разводы на белоснежных одеждах хозяина.

— Господин... — начал было он, но Чао Цы предостерегающим жестом заставил его умолкнуть.

Ин И повиновался, застыв в неподвижности.

— Я поражен Проклятием, пожирающим кости, — Чао Цы перешел сразу к делу, не тратя сил на предисловия. — Болезнь зашла слишком далеко. Мне осталось недолго.

Глаза Ин И расширились от немого ужаса.

— Когда я уйду, те из вас, кто захочет свободы — пусть уходят. Остальные же должны найти в Павильоне Сияющего Света Чао Чжия. Я не прошу многого: просто оберегайте его. Пусть он живет в покое и безопасности.

Чао Чжия оставался последним законным наследником рода помимо самого Чао Цы. Мальчику, внуку его дяди, едва исполнилось тринадцать-четырнадцать лет. После того как Лу Янь разогнал Павильон Сияющего Света, юный господин успел позаботиться о том, чтобы юношу переправили в надежное место.

Многие поместья и лавки Чао Цы унаследовал от отца, и значительная их часть принадлежала всему клану. После его кончины всё это имущество по праву должно было перейти оставшимся потомкам семьи.

Завершив передачу дел, господин велел Ин И подыскать ему уединенный дом и строго-настрого запретил кому-либо беспокоить его.

Огромная тайная сеть сменила своего незримого владыку без единого лишнего звука.

Теперь Чао Цы проводил дни в тишине небольшого дворика. Он неторопливо заваривал чай,

наблюдая, как над чашкой поднимается пар, скрывая черты его лица.

Если всё пойдет так, как он задумал, его земной путь завершится именно здесь.

Однако судьба вновь распорядилась иначе.

Прошло всего три дня. Юноша сидел в кабинете, погруженный в чтение. В последнее время силы стремительно покидали его, разум затуманивался, и он читал мучительно медленно, подолгу задерживаясь на одной и той же странице.

Вдруг до его слуха донесся скрип открываемой калитки.

Визитер не таился — звук трущегося дерева в тишине двора прозвучал отчетливо и резко. Затем послышались размеренные, неторопливые шаги.

Сердце Чао Цы тревожно сжалось.

Этот дом лишь казался заброшенным и мирным, на самом же деле его охраняли лучшие люди Отдела Теней. Чао Цы отдал четкий приказ: не впускать никого. Мастерство Ин И и его подчиненных было высоко — каждый из них достиг как минимум стадии Разделения Духа. То, что чужак прошел мимо них, означало лишь одно...

Мысль промелькнула и исчезла, когда звук шагов в саду смолк. В дверном проеме выросла высокая фигура.

— Цзэи, почему ты здесь? — негромко спросил Чао Цы.

В глубине души он досадовал: видимо, не стоило селиться так близко. Однако, едва вопрос сорвался с губ, улыбка на его лице медленно угасла.

С человеком у двери было что-то не так.

Высокий мужчина в черных одеждах стоял неподвижно. Его лицо, прекрасное, словно у божества, оставалось бесстрастным, но в глубине глаз мерцала ядовитая насмешка, за которой назревала сокрушительная буря.

— Старейшина звал меня? — мужчина растянул губы в улыбке и шагнул в комнату.

Лицо Чао Цы побледнело, черты исказились от осознания. С огромным трудом, словно каждое

слово весило тонну, он выдавил:

— Лу... Янь...

— Что именно хочет узнать Старейшина? — Лу Янь остановился прямо перед ним. — Спросишь, почему я не сдох? Или, может, хочешь узнать, куда подевался твой ненаглядный дружок?

Чао Цы поднял голову. Он встретил этот ледяной, пронзительный взгляд и не нашел в себе сил ответить.

Собственно, всё произошло именно так, как и должно было. Талисман, созданный Ли Анем, по логике вещей не мог всерьез навредить Лу Яню. Вполне вероятно, что этот подонок с самого начала знал о ловушке.

Что же касается Лу Цзэи... На самом деле, никакого Лу Цзэи никогда не существовало. Как мог клочок бумаги вернуть к жизни того, кто давно умер? Даже трещины на табличке жизни никуда не исчезли.

Талисман мог лишь пробудить обрывки чужих воспоминаний и подавить текущее сознание. По сути, это было лишь мощное внушение: человек начинал верить, что он — это кто-то другой из прошлой жизни, но самой сути это не меняло. Чао Цы знал об этом с самого начала, потому и медлил так долго.

Возможно, даже подавление воли не сработало, и этот щенок, получив доступ к памяти предка, просто ломал комедию.

Чао Цы больше не хотел искать ответы. В одно мгновение из него словно выкачали всю жизнь. Он смотрел на мучителя, и в глазах, помимо ярости и отвращения, застыл беспросветный, леденящий ужас.

— Теперь тебе страшно? — Лу Янь тихо рассмеялся. — Не поздновато ли?

— Ты хотел убить меня, чтобы воскресить своего мертвеца. Как думаешь, Старейшина, какого наказания ты заслуживаешь на этот раз? — Он склонился к самому уху Чао Цы, обжигая его своим дыханием. — Наверное, раньше я был с тобой слишком добр.

Чао Цы до боли сцепил зубы, отчаянно подавляя постыдный порыв взмолиться о пощаде.

Снова тот же дворец.

Но теперь из залов вынесли всё убранство. Посреди пустого пространства осталась лишь одна вещь — роскошная золотая клетка.

Несмотря на изысканную резьбу и блеск драгоценного металла, она была крошечной. Внутри едва хватало места для одного человека. Высота и ширина клетки не позволяли даже сесть прямо — пленнику приходилось постоянно горбиться и поджимать колени, словно жалкой и никчемной игрушке.

В этой клетке, съежившись, и находился юноша. Но он застыл в этой позе не только из-за тесноты. На нем была лишь тонкая шелковая нижняя рубаша, на которой отчетливо виднелись бурые пятна крови. Длинные, тонкие следы от плети густо покрывали его спину и конечности. Кое-где удары были такой силы, что ткань лопнула, обнажая бледную кожу и воспаленные, опухшие раны.

Человек прижал колени к груди, его длинные черные волосы рассыпались по плечам и талии. Всё его тело — стройное, но кажущееся теперь мучительно хрупким — непрерывно содрогалось.

Боль. Вероятно, именно она была истинной причиной его неподвижности.

Тяжелые алые двери дворца распахнулись. В зал вошел мужчина в черном одеянии.

Он медленно приблизился к золотой клетке. На его лице играла мягкая улыбка, словно он пришел навестить капризное дитя:

— А-Цы, куда хочешь отправиться сегодня?

Дрожь юноши на мгновение затихла.

Он поднял лицо, скрытое до этого между коленями. Несмотря на измождение, оно оставалось поразительно прекрасным, но взгляд был пуст и безжизненен. Однако, когда его глаза встретились со взглядом Лу Яня, эта пустота мгновенно сменилась испепеляющей ненавистью.

— Проваливай... — прохрипел он. Его голос звучал жестко, но сил почти не осталось, и дыхание сбивалось после каждого звука.

Лу Янь с легким смешком отпер клетку и, игнорируя слабое сопротивление, вытащил Чао Цы наружу.

— Если А-Цы не хочет выбирать сам, я выберу за тебя, — тот обожал этот тон: обманчиво мягкий, вопросительный, но не терпящий никаких возражений.

Он сделал вид, будто всерьез задумался, а через мгновение произнес:

— Пойдем в Восточный павильон, хорошо?

При упоминании Восточного павильона тело Чао Цы непроизвольно содрогнулось — этот страх пропитал его до самых костей.

Но он ничего не сказал. В каком бы месте дворца он ни оказался, Лу Янь найдет способ превратить его жизнь в ад.

Мужчина и не ждал его согласия. Подхватив Чао Цы на руки, он направился к выходу.

Восточный павильон был пристройкой в восточной части дворцового комплекса. Когда-то здесь выращивали редкие цветы, любящие солнечный свет. Теперь же, как и в главных покоях, от прежней красоты не осталось и следа. Окна, когда-то заливавшие комнату светом, были наглухо заложены камнем. Светлый павильон превратился в мрачную, зловонную пыточную.

С самого утра и до полудня из этого здания доносились крики и плач.

Голос был слабым, надтреснутым — казалось, человек уже доведен до предела, в нем не осталось ни крупицы сил, но невыносимая боль выжимала из него последние признаки жизни. Но истязатель словно не замечал этого.

В конце концов Чао Цы остался лежать на холодном твердом полу. Его длинные волосы спутались и вымокли в поту и крови, жалко липнув к коже. Одежда, и без того испачканная, теперь превратилась в лохмотья, едва прикрывавшие истерзанное тело.

Однако эти жестокие пытки несли в себе не только страдания. В них была подмешана омерзительная, невыносимая сладость, которую Чао Цы ненавидел всей душой.

Натешившись, Лу Янь перевернул беспомощно распластавшегося на полу юношу и с силой надавил ладонью на его низ живота.

— Интересно, когда же ты зачнешь от меня, А-Цы? — тихо прошептал он.

Жестокое действие было в самом разгаре.

Выражение лица Чао Цы изменилось: неконтролируемые рыдания и стоны сменились отрешенностью, а затем — пугающим спокойствием. Это был не тот человек, которого Лу Янь

привык ломать.

В груди мужчины шевельнулось недоброе предчувствие.

Однако он не остановился. Сжав пальцами подбородок юноши, он заставил его смотреть себе в глаза.

— Что такое, А-Цы недоволен?

Чао Цы не отвел взгляда. Он смотрел прямо на него, и его голос, тихий, почти неразличимый шепот, прозвучал убийственно спокойно:

— Лу Янь.

— Я умираю.

Тот замер. Дурное предчувствие обернулось ледяной хваткой, сжавшей его сердце. Он хотел было отшутиться, чтобы прогнать этот внезапный страх, или отчитать Чао Цы за такие неуместные слова.

Но в следующее мгновение человек в его руках содрогнулся и выплюнул фонтан алой крови прямо ему на грудь.

На черном шелке одеяний кровь не выделялась цветом — лишь темными, влажными пятнами.

Зрачки Лу Яня сузились. Холод сковал его члены.

— ...А-Цы? — позвал он. В его голосе больше не было издевки — только осторожность и робкая надежда на то, что это лишь дурной сон.

Он пытался убедить себя, что это просто случайность, минутная слабость.

Но надеждам не суждено было сбыться. Это было лишь падение первой кости домино.

Чао Цы судорожно зажал рот ладонями, но кровь продолжала сочиться сквозь пальцы. Она была темной, густой, с пугающими сгустками. Лицо его в одно мгновение стало мертвенно-бледным.

Мужчина отстранился и крепко прижал Чао Цы к себе, лихорадочно вливая в него свою духовную энергию, пытаясь остановить кровотечение. Всё было тщетно. Сила уходила в пустоту.

Его взгляд упал на обнаженное предплечье Чао Цы, и он оцепенел.

Кожа, бледная как бумага, была испещрена сетью тонких черных линий, которые сплетались в жуткий узор.

— Проклятие, пожирающее кости!

Лу Янь мгновенно узнал эти признаки.

— Как?! Откуда у тебя это проклятие?! — Его голос дрожал от смеси ужаса и ярости. Ответ, который он боялся признать даже самому себе, медленно всплывал в его сознании.

<http://bllate.org/book/15361/1416602>